

Срок истекает на рассвете

М.: Лесинвест, 1991

Содержание:

- Уильям Айриш. Срок истекает на рассвете (роман)
- Уотт Блессингейм. Чёрные цветы Фрэнсиса (рассказ)
- Уотт Блессингейм. Цивилизованные джунгли
- Уотт Блессингейм. Актёры-любители (рассказ)
- Шарлотта Армстронг. Утром, в день святого Патрика (рассказ)
- Шарлотта Армстронг. Десять нитей (рассказ)
- Шарлотта Армстронг. «Шутка» (рассказ)

Уотт Блессингейм

Актеры-любители

Миссис Шиа открыла мне дверь.

— Что-то вы очень рано сегодня, — сказала она.

— Знаю, — ответил я, — но сегодня мне просто не терпится быть поскорее убитым. Скажите Пэгги, чтоб она поторопилась.

— Зайдите в комнату и подождите. Скоро кто-нибудь действительно убьет вас.

Этот коттедж на побережье морского залива во Флориде, как и многие ему подобные, был выстроен для сдачи внаем. В комнате, служившей столовой и гостиной, стояли диван, удобное кресло и два торшера. Картины, висевшие на стене, заказывались одновременно с мебелью. Мне все это было хорошо известно, так как я являлся агентом по продаже этого домика и доброй дюжины других. Но только этот коттедж сейчас выглядел по-иному. Он приобрел свою индивидуальность — стал домом. Две куклы и мишка, валявшиеся на полу, придавали комнате не неряшливый, а уютный вид. Барвинки — дикие цветы, которые местные жители считают сорной травой, — в вазе на столике выглядели очень эффектно. На обеденном столе стояли розы. На мой вкус, их было слишком много — что-то около четырех дюжин.

— Не правда ли, хороши? — спросила миссис Шиа, ухмыляясь. — Их прислал Кит.

— В это время года они очень дешевы, — заметил я.

Я сел на диван. Из дверей спальни вышла четырехлетняя Кейти. Это была большеглазая, чем-то постоянно занятая девчушка, весело открывавшая для себя мир. Она открывала его, как завернутый пакет: а что там, внутри?!

— Кто это собирается тебя убить? — обратилась она ко мне.

— О чем ты? — ошеломленно спросил я.

— Почему ты не можешь ждать?

— О!.. Это Кит... Мистер Эдмунд...

— Я его знаю.

— Да, знаешь... И совершенно напрасно, по-моему.

— Почему? — она повторила свой первоначальный вопрос. — Почему он собирается убить тебя?

— На самом деле он не собирается, — ответил я. — По крайней мере, я надеюсь, что не собирается. Это понарошку. В спектакле. Ты ведь знаешь, что твоя мама и я играем в любительском спектакле в Маленьком театре.

— О! Это там, где он стреляет в тебя?

Пьеса репетировалась уже пять недель, и Кейти почти все вечера просиживала в театре и знала ее содержание. Сейчас, убедившись, что я шучу в обычной глупой манере всех взрослых, она повернулась ко мне спиной. Подняв с пола своего мишку, Кейти взобралась на другой конец дивана и начала разговаривать с медвежонком по секрету.

Я поднял глаза и увидел Пэгги, стоявшую в дверях спальни и наблюдавшую за нами. Сегодня была генеральная репетиция, и Пэгги надела форму официантки, роль которой играла, — белое платье с голубым воротником. У Пэгги были темные волосы и, как у дочери, широко расставленные голубые серьезные глаза.

— Готовы? — спросил я.

Ничего не отвечая, она продолжала стоять и наблюдать за нами. Затем, как бы откладывая на время проблему, которую в данный момент не могла разрешить, она подошла к нам. Поцеловав дочь, Пэгги сказала миссис Шиа, что вернется сразу после репетиции. Мы вышли на улицу, к моей машине.

Проехав два квартала, я, вместо того чтобы повернуть направо, повернул налево и остановил машину. Поблизости не было ни одного дома. Перед нами высились три кокосовые пальмы,

выглядевшие, как на почтовой открытке. За ними виднелся залив — светящийся и гладкий. Лунный свет скользил по его поверхности.

Пэгги посмотрела на залив, затем на меня.

— Мы опоздаем на репетицию, — сказала она.

— Они никогда не начинают вовремя.

Итак, мы наблюдали за луной. Она величаво выплывала из воды и поднималась к небу. Отблеск луны, касаясь листьев пальмы, производил впечатление дождевых капель.

— Как красиво! — произнесла Пэгги.

— Я организовал все это специально для вас, — ответил я. — Хотел создать эмоциональную обстановку, а затем сделать одно предложение.

Улыбнувшись, она посмотрела на меня.

— Неужели вам еще не надоело?

— Я продолжаю интересоваться сделкой, — ответил я, — но увеличиваю цену. Само собою разумеется, что и от вас потребуется нечто большее.

Ее улыбка медленно угасала.

— Что вы имеете в виду, Поль?

— Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж, — мои слова прозвучали отрывисто и резко, совсем не так, как я того хотел. Но Пэгги даже не посмотрела на меня. Она молча смотрела на воду.

— Вашей дочери я нравлюсь.

— Да, вы ей очень нравитесь.

— У меня довольно приличное общественное положение. Я зарабатываю на жизнь, хотя для вас это, вероятно, не имеет значения.

Ни движением, ни звуком Пэгги не реагировала на мои слова.

— Я здоров, считаюсь интересным собеседником.

Я избрал этот легкий небрежный тон, но он мне не помогал.

— С моей точки зрения, — продолжал я, — это идеальный брак. Вы обладаете не только красотой, но и деньгами. Даже потеряв что-нибудь одно, у вас останется другое — я смогу продолжать любить вас.

Тогда Пэгги посмотрела на меня и тихо спросила:

— А вы любите меня, Поль?

Я был поражен.

— Конечно.

Она ничего не сказала, но по тому, как у нее на глазах заблестели лунные блики, я понял, что она плачет.

— Пэгги!

Слезы блестели у нее на щеках, но она не сделала ни одного движения, чтобы вытереть их. Казалось, прошла вечность, пока она заговорила.

— Иногда я думаю, что люблю вас, Поль. Но бывают моменты, когда я не уверена, что вы мне нравитесь. Вы, правда, нравитесь Кейти, но я бы не хотела, чтобы вы оказывали влияние на ее воспитание.

Я почувствовал, как что-то начало сжимать мое горло — смесь гнева и обиды, причем гнев делал отчаянную попытку заглушить обиду.

— Продолжайте, — произнес я. — Постарайтесь быть более конкретной.

— Мне это вряд ли удастся. Дело в том, что...

— Вы имеете в виду мои сделки с Грантом и Каннингхэмом?

— Частично.

— В этих сделках не было ничего незаконного, — возразил я. — Иначе Гай Каннингхэм засадил бы меня. Он обращался к двум адвокатам.

— Я знаю, что все было законно, — сказала Пэгги.

Я продал Гаю Каннингхэму домик на берегу залива. Подмывающие его волны разрушали дом со скоростью десяти футов в месяц. Если бы Гай посоветовался с кем-нибудь из старожилов, если бы он хотя бы воспользовался своими собственными глазами, то обнаружил это без труда. Но Каннингхэм — это один из тех умников, которые знают обо всем лучше всех энциклопедий, вместе

взятых. В то время, когда я продал Гаю эту собственность, я его почти не знал. Но чем ближе я узнавал его, тем меньше меня мучила совесть по поводу этой сделки.

Сделка с Грантом, который являлся руководителем нашего Маленького театра, была аналогичной. Я продал ему дом, наполовину съеденный жучком. О жучке я знал. И если бы он спросил у меня, я бы ему сказал. Но он не спросил, и я не упомянул об этом.

— Я полагаю, что соблюдения только одной законности — недостаточно, Поль, — продолжила свою мысль Пэгги. — Есть нечто, стоящее выше законности. Имя этому — честность. И я бы хотела, чтобы Кейти, подрастая, знала и верила в это.

— Я честный человек, — возразил я.

— Юридически — да. Я имею в виду другого рода честность. Ту, о которой вы, очевидно, не имеете даже представления.

— Вы хотите сказать, что я жулик?

— Называйте это как хотите.

— Послушайте, — возразил я. — Я занимаюсь недвижимостью с начала войны. И за это время я ни разу не солгал относительно собственности, которую продавал.

Это была правда. И я гордился этим. Но Пэгги даже не посмотрела в мою сторону.

— Я не хочу ссориться, Поль. Уже поздно. Давайте лучше поедем на репетицию.

— Хорошо.

И тогда, зная, что это звучит по-мальчишески, я огрызнулся:

— Кит, вероятно, обладает этой сверхчестностью, или как там еще называется качество, которое вы ищете в человеке?

— Возможно. Не знаю.

— О'кэй!

Я рванул машину с места. Сначала дал задний ход, затем резко перевел на вторую скорость и оставил залив позади.

Группа любителей Маленького театра не имела собственного помещения, а пользовалась залом муниципалитета совместно с некоторыми другими общественными организациями. Я затормозил напротив здания. Когда мы выходили из машины, Пэгги сказала:

— Простите, Поль. Я...

— Забудем об этом, — ответил я резко.

Внутри царила обычная предрепетиционная суматоха. Мистер Грант — наш руководитель — бегал взад и вперед по сцене, не уменьшая, а только увеличивая беспорядок. Миссис Грант, как и каждый вечер, совершенно безмятежно сидела и вязала посреди этого хаоса. Сцена представляла собой обыкновенный помост, приподнятый всего на полтора фута над уровнем пола, а декорации — буфет, столы и стулья — были очень просты, но эффектны. На переднем плане в данный момент прогуливался с важным видом доктор Каннингхэм — тот самый, которому я продал подмываемый заливом дом. Маленького роста, с двойным подбородком и наполеоновским комплексом, он в свое время был профессором педагогики в одном из западных колледжей. Он настаивал на обращении «доктор», предпочтительно с глубоким поклоном, и чувствовал себя счастливым лишь тогда, когда давал кому-нибудь руководящие указания. В настоящий момент он просил Фрэнка Лесли — нашего режиссера — переставить столы.

— Не надо трогать столы, — сказала Пэгги, — это собьет с толку всех исполнителей.

Режиссер также делал слабые попытки протестовать по тем же мотивам, но Каннингхэм просто игнорировал эти попытки, разговаривая с Фрэнком, как со слабоумным студентом.

— Поставьте стол сюда, Фрэнк, это все, что от вас требуется.

— Да, конечно, — добродушно возразил Фрэнк, — это все, что от меня требуется. Туда и обратно. Туда и обратно.

Он остановился, придав своему круглому лицу выражение сосредоточенности, и сказал:

— Давайте поставим стол обратно и сыграем в бридж — у нас появился четвертый партнер.

Это была типичная для Лесли шутка — плоская, но доброжелательная. Но Каннингхэм даже не удостоил его улыбки.

— Поставьте стол сюда — и все тут.

— Хорошо, сэр, — ответил Фрэнк.

Лесли был маленький, пухлый, с лицом херувима толстяк. Трудно было представить себе его в романтической ситуации. Сейчас, передвигая второй стол, он нарочито пыхтел и тяжело дышал.

— Поль, остановите его, а то... — сказала Пэгги.

Но Дорис Болтон — кричаще одетая блондинка, играющая в нашем спектакле роль бездушной кокетки, — опередила меня:

— Фрэнк, — сказала она, — поставьте стулья туда, где вы их взяли!

Повернувшись к Каннингхэму, она продолжала:

— Когда мы захотим, чтобы вы были нашим директором, мы вас выберем. А пока сосредоточьтесь на своей роли бабушки и постарайтесь не запороть ее.

Доктор Каннингхэм изогнул дугою брови.

— Я играю свою роль так, а не иначе, чтобы сбалансировать вашу интерпретацию — этаким коварной змеи-искусительницы, хотя должен признать, что играете вы свою роль с полным знанием дела.

Он снова повернулся к Фрэнку Лесли.

— Если вы поставите эти стулья...

— Обратно туда, где они стояли! — воскликнула Дорис.

Мистер Грант, наш руководитель, вскочил на подмости.

— Что здесь происходит? Что?..

Но Фрэнк повернулся спиной ко всем трем. Изображая отчаяние, он стукнул себя обеими руками по лысой голове и направился к столу, на котором лежали кобура и револьвер Кита, играющего роль гангстера... Фрэнк выхватил револьвер из кобуры.

С другого конца сцены раздался резкий громкий смех миссис Каннингхэм:

— Валяйте, Фрэнк! Застрелите их обоих!

Фрэнк повернулся, размахивая револьвером.

— Вот я вас сейчас! — воскликнул он, становясь в нелепую позу.

— Сначала вас. — Он направил дуло револьвера на Дорис. Она пронзительно закричала. Ее испуг был неподдельным.

— Не надо, пожалуйста!

Раздался выстрел.

— Не расстреливайте холостые патроны! — завопил Грант. — У нас достаточно хлопот и без...

Но Фрэнк переметнулся на доктора Каннингхэма, который, войдя в роль, широко распахнул пиджак.

— ...Я обнажаю свою грудь... — начал он.

— ...Целься прямо в сердце!.. — закричал я.

Я повторил слова Гранта, который на каждой репетиции останавливал Кита перед тем, как тот стрелял в меня:

— В таком маленьком театре, как наш, публика видит, куда вы целитесь. Так что целитесь прямо в сердце. Как будто вы на самом деле хотите его убить.

Фрэнк выстрелил во второй раз. Этот выстрел прозвучал несколько громче первого.

Схватившись рукой за сердце, Каннингхэм зашатался и опрокинул стул.

— Очередной спектакль «Выстрел в пустыне», — произнес Фрэнк, и кто-то засмеялся. Тогда Дорис снова пронзительно закричала. Она уставилась на Каннингхэма, все еще прижимавшего обе руки к сердцу.

«Ну и бездарь! — подумал я. — Разыгрывает свои паршивые штуки». Затем Каннингхэм упал вперед, сильно ударившись лицом об пол, после чего перекатился на бок. Он очутился очень близко от меня — так близко, что я увидел в его сорочке дырку, из которой просачивалось что-то темное и красное.

Следующие несколько минут вспоминаются в каком-то тумане. С полдюжины людей кинулись к Каннингхэму, затем отпрянули назад. Я попытался заткнуть дырку в его груди своим носовым платком, а Гарри Болтон, муж Дорис, став рядом со мной на колени, спросил:

— Чем я могу помочь?

— Ничем, — ответил я. — Он мертв.

Раздался ужасный приглушенный звук. Я поднял голову и увидел Фрэнка. Он стоял возле нас. Выражение его круглого кукольного лица было настолько бессмысленным, будто кто-то смыл все его черты мокрой тряпкой. Маленькие капли пота блестели при свете электричества.

— Что такое?.. — произнес он. — Боже, что случилось?!

Никто не ответил. Он попятился назад, продолжая смотреть на труп, все еще держа в руке револьвер. Затем он опустился на первый попавшийся стул.

В эту минуту я впервые за весь вечер увидел Кита Эдмунда. Он подошел к Фрэнку, не говоря ни слова вынул из кармана носовой платок и взял им револьвер у Фрэнка. Тщательно завернув его в носовой платок, он положил револьвер в боковой карман пиджака.

— Надо позвонить в полицию, — сказал он.

— Надо сначала позвать доктора, — возразил Гарри Болтон. Посмотрев вокруг, он увидел сына, сидящего неподвижно в первом ряду кресел. — Вызови доктора Хаса, — сказал Гарри. — Только быстро!

По дороге к двери мальчик должен был пройти мимо меня. Это был двенадцатилетний парень, полный, с прыщеватым лицом, в роговых очках. Он постоянно приходил на репетиции и тихо просиживал все вечера, никогда не выбегая на улицу поиграть с другими ребятами. Проходя мимо, он тронул меня за руку и проговорил шепотом:

— Первая пуля была холостая. А вторая — настоящая.

— Очевидно.

— Если бы это случилось во время репетиции, убили бы вас.

Он вышел, а я остался стоять и смотреть ему вслед. Ведь, несмотря на возбуждение последних нескольких минут, та же самая мысль скреблась где-то на задворках моего сознания: в спектакле Кит стреляет дважды. Первый выстрел предназначается другому действующему лицу. Второй — направлен прямо в мою грудь. И именно вторая пуля в револьвере была настоящая...

И все же я продолжал считать происшедшее несчастным случаем. Настоящая пуля попала в револьвер по какой-то роковой ошибке. Я не думал, не мог думать, что кто-то сознательно хотел убить меня.

Шериф — крупный, ленивого вида мужчина — обладал, по-видимому, неистощимым терпением. Большинство присутствующих здесь людей не были уроженцами этих мест, не были избирателями в данном округе; но они представляли собой капитал. Это была туристская местность, и большинство избирателей существовало на доходы от туризма. Шерифу следовало обращаться с этими людьми с осторожностью. Однако к полуночи терпение шерифа начало истощаться.

— Я не могу держать вас здесь всю ночь, — сказал он все еще вежливо, — но если эта пуля попала в револьвер по ошибке, то кто-то должен иметь представление, как это случилось?!

Он подождал, но никто ему ничего не ответил. Мы все сидели на стульях, предназначенных для публики во время спектакля; шериф стоял между нами и сценой. Тело доктора Каннингхэма унесли, официально объявив его мертвым, но кобура от револьвера все еще лежала на столе на сцене. Рядом, на носовом платке Кита, но не завернутый, лежал и револьвер. А в первом ряду кресел сидел Фрэнк Лесли. Голова его выдвинулась вперед, лицо было ошеломленное и какое-то голое — хотелось, чтобы он прикрыл его руками.

Шериф вздохнул и, наверное, уже в двадцатый раз посмотрел на список имен, лежавший перед ним.

— Все из присутствующих находились в зале, когда произошел несчастный случай?

— Насколько мы можем об этом судить, — да, — ответил Грант.

Наш директор был подвижным человеком. Он не ходил, а подпрыгивал, как будто внутри у него была пружина. Какое он имел отношение к профессиональному театру — оставалось неясным, но он проявил себя исключительно способным руководителем, и под его руководством мы поставили — во всяком случае так казалось нам — несколько хороших спектаклей. В данный момент ему было довольно трудно усидеть на месте в полном бездействии и неподвижности.

— Само собою разумеется — люди входили и выходили, — добавил Грант. — Если бы у нас был свой собственный театр... а так, кто угодно мог...

— Понятно, — сказал шериф. Все это ему уже объясняли раньше. — Но никто из вас не помнит, что видел кого-либо кроме тех, кто присутствует здесь?

Снова молчание.

— Ладно, — произнес шериф. — Мы еще раз все проверим, и я отпущу вас. Итак: револьвер принадлежит мистеру Киту Эдмунду?

— Точно. Это подарок фронтового друга.

Шериф кивнул головой.

— А кобуру вы заняли в моей канцелярии для этого спектакля?.. — заключил он несколько растерянно.

Жена Гая Каннингхэма выполняла в нашем театре крайне неблагодарную роль — занималась реквизитом. Сама природа как бы создала Лилиан Каннингхэм для этой работы. Средних лет, бесформенная, похожая на мышь, хотя и не маленького роста, с постоянно растрепанными волосами и плохо сидящими на ней платьями. По-видимому, она была идеальной женой для доктора Каннингхэма — никто другой не смог бы с ним ужиться. А он, как и все остальные, казалось, едва замечал ее существование. За последние три часа к ней проявили больше внимания, чем за предыдущие две зимы, проведенные ею на острове. Ей без конца подносили всякие успокоительные капли; человек шесть предложили отвезти ее домой — но она захотела остаться со всеми.

— Насколько я понял, мистер Эдмунд после каждой репетиции забирал револьвер и кобуру к себе домой? — спросил шериф.

— Точно, — ответил Кит.

Ему поручили эту роль потому, что он был смуглым, стройным и красивым. Не представляло большого труда придать ему еще и несколько демонических черт.

— Когда я принес кобуру и револьвер сегодня вечером, то положил их на стул за кулисами, — заявил Кит.

Под словами «за кулисами» мы подразумевали те части комнаты направо и налево от сцены, которые были отделены портьерами от остальной территории комнаты.

— Вы уверены, что револьвер в тот момент не был заряжен?

— Я постоянно проверяю револьвер — он не был заряжен, — ответил Кит.

Шериф посмотрел на миссис Каннингхэм и спросил вежливо и несколько смущенно:

— Вы зарядили револьвер холостыми патронами, не так ли?

— Да, — ответ ее прозвучал тихо, но без тени колебания. — Мы держим холостые патроны в шкафу в запертом ящике. Я вынула оттуда две штуки и вложила в револьвер. Перед самым началом репетиции я положила револьвер и кобуру на стол, стоящий на сцене.

— А много времени прошло между тем, как вы зарядили револьвер и положили его на стол?

— Минут десять, может быть, пятнадцать.

— И вы уверены, что патроны, которые вы положили, были холостыми?

— Я узнала бы настоящую пулю. Да у нас в ящике и не было настоящих.

— И сейчас в ящике только холостые патроны, — подтвердил шериф. Он посмотрел на Гранта. — Ваши актеры, как правило, не разгуливали по сцене и не стреляли из револьвера, а?

Грант вскочил на ноги.

— Ничего подобного! На первых репетициях было несколько случаев баловства с оружием, но поступили жалобы на шум. Тогда я сказал миссис Каннингхэм, чтобы она заперла патроны на ключ и вынимала по две штуки на репетицию. Я настаивал пользоваться на репетициях заряженным револьвером, желая приучить актеров к звуку выстрела. Но сегодня, впервые за месяц, выстрел раздался не во время репетиции.

Фрэнк поднял голову. В нем не осталось ничего от завязанного шутника. Он еле слышно проговорил:

— Я просто хотел пошутить. Все это было шуткой.

— Если бы вы не выстрелили, — спросил шериф, — то эта пуля во время репетиции попала бы в мистера Данкена?

— Кхм... — Издал неопределенный звук Грант. Он посмотрел на меня. Никто ничего не сказал, но в этом не было необходимости. Я знал, о чем они думают.

— Ладно, — сказал шериф. — На сегодня достаточно. Можете расходиться по домам. Мне придется взять мистера Лесли с собой в город и задержать его. А вас, мистер Данкен, я попрошу остаться на минутку.

— Меня? — все начали подниматься с мест и уходить. — Простите, — возразил я, — но мне нужно проводить домой миссис Шервин...

— Я провожу Пэгги, — заявил Кит.

Она вышла вместе с ним, и мне ничего больше не оставалось, как посмотреть им вслед...

Шериф неторопливо раскуривал трубку. Погасив спичку, он сказал:

— Насколько я понял, по ходу действия из этого револьвера стреляют в вас?

— «Прямо в сердце», — ответил я, и на сей раз мне не понравилось, как прозвучала эта цитата.

— Вам повезло, — произнес шериф. — По крайней мере, сегодня. — Он выпустил небольшую затяжку дыма. — Кто-нибудь в этой компании хотел бы видеть вас мертвым?

— Что такое? — воскликнул я.

— Кто-то зарядил револьвер настоящей пулей. Возможно, это был просто несчастный случай; возможно, среди холостых патронов по ошибке оказался настоящий, и миссис Каннингхэм не разобралась в этом. Но такое предположение несколько нереально.

Я все еще не спускал глаз с шерифа. Он продолжал:

— Револьвер лежал на стуле за кулисами в течение десяти — пятнадцати минут. Никто не мог предположить, что из него будут стрелять до начала репетиции. Заменить пулю мог кто угодно!

— Но для чего?

— Чтобы убить вас, — ответил шериф.

Я отправился домой, лег в постель, но сон не шел ко мне. Комната была окутана призрачным лунным светом, а за окном слышался слабый сухой стук пальмовых листьев. Я лежал без сна и пытался разгадать, почему кто-то хотел убить меня.

Проще и легче всего было предположить, что Лесли убил Каннингхэма преднамеренно. Я, правда, не знал, какие у него для этого были мотивы. Но, вероятно, были. Что касается меня — старого доброго Поля — у кого могло появиться желание убить меня? И все же надо было признать, что у кого-то оно появилось. Каннингхэм исключался. Иначе он не стоял бы с открытой грудью в ожидании выстрела. Тогда кто же? Я старался проанализировать каждого, кто имел возможность заменить пулю в револьвере, и у кого мог быть малейший повод желать моей смерти. Я старался вспомнить все свои проступки, из-за которых мог нажать врага в этой компании. Я старался быть предельно честным с самим собой и должен сказать, что копание в собственной душе — вещь нелегкая и малоприятная.

Я вспомнил дело Гранта. Исправление недостатков, которые он обнаружил после покупки дома, обошлось ему в полторы тысячи долларов. Но, говорил я сам себе, из-за этого никто не пойдет на убийство. А может быть, пойдет? Ведь каждый, кто замышляет холодное преднамеренное убийство, — не совсем нормальный человек.

План убийства может возникнуть и созреть только в каких-то темных тайных извилинах человеческого мозга. А что мне известно в этом отношении о Гранте или о ком-либо другом из нашего любительского кружка?

Часть из них живет здесь круглый год, и я знаю о них то, что мы обычно знаем о людях, живущих вокруг нас.

Но большинство — это туристы, проводящие кто первую, кто вторую, а кто и третью зиму на острове. Они приезжают, арендуют дом и говорят, что приехали из Огайо, Висконсина или Айдахо. Они говорят, что были банкирами, бакалейщиками, адвокатами; они говорят, что женщины, приехавшие с ними, — их жены. Но что в действительности я знаю о них или они друг о друге?

Я знаю, что Грант прошлой зимой заплатил за свой дом тысячу четыреста долларов чеком на Чикагский банк, и чек был оплачен. Он смутно упоминал о том, что в прошлом владел летним театром, был помощником режиссера в Голливуде, писал сценарии для кино. Он был хрупкого сложения, свои седые волосы подстригал, как студент-второкурсник, в общем производил впечатление славного парня. Первое время он немного сердился на меня из-за жучков, которых я ему продал, но вскоре, казалось, забыл об этом. Ничто из того, что мне было о нем известно, не указывало на него как на потенциального убийцу.

Из всех, кто в тот вечер находился в зале муниципалитета, наиболее способным на убийство казался мне Кит Эдмунд. И все же, пытаясь сохранить объективность, я вынужден был признать, что мое мнение о Ките не свободно от предвзятости — оно основано на инстинктивном, очевидно, химическом чувстве неприязни, которое люди порой испытывают друг к другу... Он приехал на

остров три года назад, женатый на женщине, о которой говорили, что она богата. Затем неожиданно она уехала. В местной газете появилось объявление о разводе, и Кит остался жить на острове один. Он обладал красивой внешностью и обаянием — по крайней мере, в глазах женщин. Послушать его, так он всегда был накануне каких-то крупных дел. В действительности же он зарабатывал на жизнь страхованием, а чаще всего занимал деньги у кого только мог. Две недели назад Гай Каннынгхэм, который любил такого рода спектакли, спросил Кита публично, когда он собирается вернуть взятые у него деньги.

Но почему у Кита могло возникнуть желание убить меня? Пытаясь быть объективным, я суммировал все: инстинктивную взаимную неприязнь, которую мы скрывали под условной маской вежливости, и различные деловые коллизии, из которых он не всегда выходил с честью. И, конечно, — Пэгги.

Пэгги приехала на остров прошлой зимой с матерью, отцом и Кейти. Муж ее был убит за год до этого в Корее. Отец Пэгги владел мыловаренным заводом в Огайо и был, очевидно, богатым человеком. В этом году он не вернулся на остров — пошатнулось здоровье. А Пэгги была единственным ребенком... Кит знал об этом так же, как и я. И если я не сидел у Пэгги на крыльце — сидел Кит.

Итак, если кто-либо хотел избавиться от меня, это мог быть Кит. И если бы он сделал это во время репетиции, очень сомнительно, чтобы его осудили за убийство.

Но предположим, что это был и не Кит, и не Грант. Однако сколько я ни напрягал свою память и ни пытался увидеть свои поступки глазами других людей — больше ни на кого подозрение не падало. Внезапно я вспомнил Хьюберта Болтона — маленького тучного мальчика. Прищурившись, он смотрел на меня сквозь стекла очков и говорил: «Если бы это было во время репетиции, убили бы вас». Затем в моем мозгу возникла другая картина: мальчик, стоящий в темном дверном проеме, с отчаянием и злостью бросающий слова: «Мама, мама, ты же обещала!»

Я начал неторопливо восстанавливать в памяти все события того вечера. Зайдя в бар, я увидел Дорис Болтон, сидевшую в одиночестве с высоким стаканом виски с содовой в руке. Дорис была красивой женщиной с холодными изысканными чертами лица — в ту минуту они выражали скуку и одиночество. Услышав шаги, она повернула голову, и в глазах ее отразились нетерпение и надежда.

— Это вы? — спросила она. — Садитесь, Поль, и поговорите со мной. Я умираю от скуки.

Я спросил, где Гарри.

— Ему надо было срочно вылететь на Север, — она выпила виски с таким видом, будто сердилась именно на данную жидкость. — А что прикажете делать мне, когда он уезжает?! Если бы я еще жила в Миами или в каком-нибудь другом городе, где хоть что-нибудь происходит! Так нет же! Гарри должен был притащить меня в это богом забытое место!

— Осторожно — тут наши вкусы не сходятся.

Дорис рассмеялась, и смех изменил выражение ее лица, стерев с него скуку и холодность.

— Вы любите этот городок, да, Поль?

Я ответил, что люблю.

— Почему? Ведь здесь нечего делать.

— Здесь можно заработать на жизнь.

Лицо Дорис снова сделалось угрюмым.

— Зарабатывать деньги! Неужели это все, о чем вы мечтаете?

— Не все. Но это очень важно.

— Нет, — возразила она. — Важно иметь деньги, важно иметь возможность покупать на эти деньги то, что тебе нужно. Но только не сам процесс делания денег — это все, что интересует Гарри.

Я посмотрел на нее, слегка приподняв брови. Юбка и свитер на Дорис — это было ясно даже для мужчины — стоили очень дорого и вполне соответствовали всему ее туалету. Лицо ее было очаровательно, как картинка, и так же холодно. Волосы — мягкие и блестящие. Она была, по меньшей мере, на пятнадцать лет моложе своего мужа, и мне хотелось бы знать, не являлась ли Дорис одной из тех безделушек, которые Гарри приобрел за свои деньги, и не очень ли он прогадал на этой сделке.

Я угостил Дорис одним бокалом виски, затем еще одним... Около полуночи она сказала:

— У меня слишком кружится голова, чтобы сесть за руль. Не отвезете ли вы меня домой, Поль?

Выражение скуки сошло с ее лица, но у нее по-прежнему был вид человека, страдающего от одиночества и снедаемого каким-то голодом. Я отвез Дорис домой. Подошел с ней к двери. Она пригласила меня выпить еще стаканчик на ночь и слегка пошатнулась. Я поддержал ее за талию, и минуту мы стояли тесно прижавшись, смотря друг другу в глаза.

— Ну? — сказала она. Это был вопрос, не требовавший словесного ответа. Я поцеловал ее. И именно в эту минуту открылась дверь и на ее пороге появился Хьюберт. В темноте его фигура в пижаме и очках едва различалась.

— Мама, войди в дом.

Дорис выпрямилась, но не повернула головы.

— Иди обратно в постель.

— Пока ты не войдешь в дом — не пойду, — голос его сломался и перешел в слабый вопль: — Ты обещала, что вернешься два часа назад. Ты обещала!

— Спокойной ночи, Дорис, — сказал я и быстро ушел. И даже сейчас, лежа в постели и наблюдая за лунными бликами, ползающими по стене, меня охватило чувство стыда. Интересно, рассказал ли ребенок отцу? Но если и рассказал, то Гарри Болтон ничем этого не выдал. Он оставался таким же вежливым, флегматичным и скучным, каким был всегда.

И даже если ребенок рассказал ему, вероятно, это был не первый случай. Трудно поверить, что Гарри станет покушаться на жизнь каждого мужчины, который поцеловал его жену. Но, с другой стороны, бывает последняя капля, переполняющая чашу!..

Я не мог заснуть. Поднявшись с постели, я пошел через полутемную комнату в кухню и вынул из холодильника бутылку минеральной воды. Из открытого, освещенного внутри холодильника свет просачивался в комнату, оставляя тени на стене. Я продолжал убеждать себя в том, что происшествие в зале муниципалитета — один из тех несчастных случаев, которые иногда происходят в жизни. Хоть я и не святой, но никто не мог желать моей смерти.

На улице послышался шум огибающей угол машины, и отблески фар зашевелили тени на стене. «Кто бы это мог так поздно разъезжать на машине?» Я прошел мимо открытого холодильника к буфету, чтобы взять стакан. Свист пули, ударившейся в стену позади меня, звон осколков оконного стекла, разбившийся вдребезги стакан — слились в один звук. Отдельно я услышал выстрел. Из кухни я пополз на четвереньках в темную комнату. Но автомобиль успел исчезнуть до того, как добрался до окна. Я стоял и смотрел на пустынную улицу, и меня начал бить озноб.

Сейчас все сомнения исчезли — кто-то пытался убить меня.

На следующее утро я сидел в своей конторе и чувствовал, себя как с похмелья. Мне не хотелось быть одному и в тоже время не хотелось быть в чьем-либо обществе — откуда у меня могла быть уверенность, что человек, сидящий напротив, не собирается убить меня?! Вдруг у дверей остановился автомобиль, и в комнату вошел Фрэнк.

— Вы не возражаете, если я войду, Поль?

— Садитесь, — ответил я, чрезвычайно довольный. Я был уверен, что Фрэнк не покушался на мою жизнь. Ведь он спас меня, сам того не подозревая. Кроме того, я никогда не только не продал, но даже не сдал ему внаем никакой недвижимости. И я никогда не ухаживал за его женой — у него не было жены. Несмотря на то, что я не очень хорошо знал Фрэнка, он мне нравился, вернее, я немного жалел его — если можно испытать жалость к человеку, обладающему таким количеством денег, как Фрэнк Лесли. Он говорил, что получил их в наследство от матери.

— Рад видеть вас, — сказал я. — Вы прямо из полицейского участка?

— Да.

Фрэнк был пожилым человеком, пытающимся с какой-то отчаянной застенчивостью казаться «своим парнем». Сейчас его пухленькое лицо все еще выглядело озадаченным и испуганным.

— Шериф отпустил меня вчера ночью, — сказал Фрэнк, — и я ночевал в городе, в отеле, так как мне снова надо было явиться в полицию сегодня утром. Шериф был очень вежлив со мной.

— Это естественно, он не может считать вас виновным.

— Конечно, нет... — он потер рукой лицо. Для такого полного тела рука была поразительно тонкой и нежной. — Я никогда до этого не убивал человека, Поль. Это ужасно. Я не имею в виду... наказание, годы тюрьмы, но сознание, что я...

— Перестаньте думать об этом. Вам не придется сидеть в тюрьме, и вы не должны винить себя в том, что случилось.

— Но я виню себя, — его лицо перекосилось, как от внезапной боли. — Мне не следовало брать в руки этот револьвер! Я всегда боялся револьверов. Но мне захотелось сыграть клоуна, попяничать — и у меня это здорово получилось! Идиот проклятый!

— Если бы вы не взяли в руки револьвер, то вместо Каннингхэма был бы убит я. При данных обстоятельствах я не могу жалеть о том, что вы сделали.

— Да, конечно... — несколько успокоившись, он спросил: — Как все-таки эта пуля могла попасть в револьвер, Поль?

— Если бы я знал!

Еще одна машина остановилась у дверей конторы, и Фрэнк поднялся.

— К вам клиент, Поль, — он выдал на своем лице слабую ухмылку. — Я уйду, чтобы вы могли спокойно обобрать его, — произнес он и вышел.

Клиент — некто Вильямс — хотел купить дом, принадлежащий старинной фамилии. Дом ему очень нравился, и я это знал. Все, что мне оставалось — это сидеть спокойно и протянуть ему вечное перо, когда он его попросит.

— Это очаровательное старинное поместье, — сказал мистер Вильямс. — По своей конструкции лучше многих современных построек.

Вдруг я вспомнил слова Пэгги: «Я имею в виду ту честность, о которой вы, Поль, очевидно, даже не подозреваете».

— Достаточно далеко от берега, — продолжал Вильямс, — это тоже большой плюс...

Моя совесть вдруг подняла крик: «Грант ничего не знал относительно жучков. Он доверял тебе...»

— Жучка там нет? — спросил Вильямс.

— Жучка нет, — ответил я и сразу, не предполагая, что сделаю это, добавил: — Но там могут возникнуть недоразумения по поводу права собственности — есть несколько наследников.

Я хотел откусить себе язык. Я знал по меньшей мере троих адвокатов, которые бы санкционировали сделку, и на девяносто девять процентов можно было ручаться, что никто никогда не станет ее оспаривать. И все же я слышал как бы со стороны, как мой заикающийся голос продолжал это идиотское выступление...

— Я воздержусь от покупки, — заявил Вильямс, — пока вопрос о праве собственности не будет отрегулирован.

«Видишь, — сказал я голосу своей совести, — стоило тебе открыть рот — и тысяча двести долларов вылетели в трубу!»

Через несколько минут мистера Вильямса и след простыл. Я изо всех сил хлопнул дверью, сел в машину и поехал к Пэгги. Пэгги и Кит сидели на крыльце, а Кейти играла на берегу. На Ките был очень дорогой спортивный костюм — вероятно, купленный в кредит. На Пэгги — белые шорты с широким поясом и белая блузка. Для успокоения нервов мне достаточно было просто смотреть на нее — если бы не присутствие Кита.

— Доброе утро, — сказал я и сел рядом с Пэгги.

— У вас усталый вид, Поль, — заметила она.

— Может быть, он всю ночь не спал и перебирал в памяти своих врагов? — пошутил Кит.

Пэгги взглянула на него.

— После того, что случилось вчера, не думаю, что это очень удачная шутка.

— Неужели вы серьезно предполагаете, что кто-либо пытался убить его? Произошел несчастный случай, — возразил Кит.

— Несомненно! А то, что в три часа утра кто-то стрелял в меня — просто детская шалость!

Оба уставились на меня, и я рассказал им, что произошло ночью.

Пэгги положила свою руку на мою.

— Поль, — спросила она. — Почему?.. Кто же мог?..

— На этот вопрос я тщательно пытаюсь себе ответить.

— Вам удалось увидеть автомобиль, из которого в вас стреляли? — спросил Кит.

— Только задние фары, — ответил я. Затем, так как на карту была поставлена моя жизнь, я не мог удержаться от вопроса: — А где были вы в три часа утра?

— Поль! — воскликнула Пэгги.

Кит поднялся. Его смуглое лицо побелело.

— На что вы намекаете, Данкен?

— Я спрашиваю, а не намекаю.

Кит несколько снисходительно рассмеялся.

— Полагаю, вы имеете право задать этот вопрос. Я был дома, в постели.

Пэгги переводила взгляд с одного из нас на другого.

— Вы уверены, что в вас стреляли из машины? — спросила она.

— Как раз во время выстрела мимо дома прошла машина.

— Я бы не промахнулся даже из машины. В университете я руководил пистолетной командой, — заявил Кит со своей ослепительной улыбкой.

После нескольких подобных шуток, едва прикрывавших его неприязнь ко мне, Кит ушел. Пэгги и я продолжали сидеть на ступеньках. Солнце припекало. Залив выглядел безмятежно спокойным. Кейти копалась в песке.

— Поль, — сказала Пэгги, — не подозреваете ли вы Гарри Болтона?

Быстро взглянув на нее, я отвел взгляд.

— Почему Гарри? Что он может иметь против меня?

Пэгги отняла руку.

— Не надо разыгрывать из себя такую невинность, Поль. Мы не женаты, — затем, после небольшой паузы: — Гай Каннингхэм, кажется, видел, как вы целовали Дорис однажды ночью, когда Гарри не было в городе. Очевидно, я узнала об этом последней.

— Это Кит сообщил вам?

— Не важно, кто мне сообщил.

— Конечно, Кит.

Я чуть было не рассказал Пэгги, что несколько раз встречал самого Кита с Дорис; правда, ничего плохого я не видел, но если хотеть делать из всего выводы... Затем подумал, что вряд ли сейчас подходящий момент бросать в кого-нибудь грязью, и просто добавил:

— Конечно, Гай постарался, чтобы Гарри стала известна эта история?

— Не знаю. Возможно.

— Да...

Внизу, на пляже, кто-то кормил чаек. Они кружились и пронзительно кричали, хватая на лету пищу, которую им бросали в воздух. Кейти перестала копать песок и наблюдала.

— Пэгги, — сказал я. — Я поцеловал Дорис один единственный раз у ее парадной двери. Я даже не входил к ней в дом.

— Почему?

Это был типично женский вопрос. Но мне не хотелось на него отвечать.

— Она не пригласила меня, — ответил я.

Пэгги подняла удивленно брови. Но через мгновение она опустила их. Ее лицо было очень серьезным.

— Вчера ночью мне пришлось подняться к Кейти. Я не знаю, в котором часу, но было поздно. Гарри Болтон прогуливался по пляжу, — Пэгги остановилась в нерешительности. — Разумеется, это вовсе ни о чем не говорит...

Да, это ни о чем не говорит, но есть хоть за что зацепиться. До сих пор не было ничего, кроме подозрений и страха.

— Позвоню шерифу, — сказал я.

Я так торопился, что даже не рассказал Пэгги о мистере Вильямсе и о несостоявшейся сделке. Выйдя от нее, я сел в машину и отправился в контору. И вот тут-то я обнаружил, что кто-то едет за мной следом. Я вспомнил, что эту самую машину уже видел сегодня у своей конторы и только что недалеко от домика Пэгги. Машина следовала за мной по дороге вдоль берега. Я остановился перед своей конторой. Вторая машина проехала мимо и остановилась в полуквартале от моей.

Я вошел в контору и позвонил шерифу.

— Послушайте, — сказал я, — кто-то преследует меня.

— Это должен быть мой помощник Фернандец.

— О!.. — сознание, что меня охраняют, было утешительно, но тот факт, что я нуждаюсь в этом, приводил в отчаяние.

— Вы думали о создавшейся ситуации? — спросил шериф.

— Только об этом и думаю.

— Сейчас приеду.

Я повесил трубку. Посмотрел через окно на полицейскую машину, освещенную ярким нежарким февральским солнцем. Машина стояла перед гастрономическим магазином, и публика входила и выходила из него. Вот вышел Грант с пакетом. Задержав на мгновение взгляд на полицейском, он сел в свою машину и уехал. Вот вышел маленький Хьюберт Болтон, грызя шоколадку. Несколько минут он стоял на тротуаре, переводя взгляд с моей конторы на полицейскую машину и обратно. Когда он поворачивал голову, солнечные блики вспыхивали на стеклах его очков. Покончив с шоколадкой, он перешел улицу и завел беседу с помощником шерифа.

Поджидая шерифа, я сидел в кресле и старался собраться с мыслями. Одновременно я продолжал наблюдать за идущей по улице публикой, стараясь ответить себе на вопрос: чем я их обидел и кто из них покушается на мою жизнь. Я боролся с желанием вскочить, запереть контору, удрать с острова и переждать где-нибудь, пока все не уляжется. Но я не мог этого сделать — гордость не позволяла мне бежать. А нервозность не давала мне усидеть спокойно на одном месте. Я встал, вышел на улицу и подошел к тому месту, где Хьюберт разговаривал с полицейским.

— Хелло! — сказал я. — Разве ты не должен быть в школе?

Из-за стекол смотрели на меня близорукие, тусклые, недружелюбные глаза Хьюберта. На секунду они встретились с моими, затем он отвел взгляд в сторону.

— У меня болела голова.

— Но теперь головная боль уже, вероятно, прошла, — сказал полицейский.

Мальчик ничего не ответил, а я, желая показать свое дружеское расположение, спросил:

— Часто у тебя болит голова?

Я думал, что он и мне ничего не ответит, но он сказал:

— Иногда голова болит так, что я почти ничего не вижу. И врачи не знают, отчего это.

— Это плохо, — сказал я.

— Это хороший повод, чтобы не ходить в школу, — заметил полицейский.

Хьюберт посмотрел на него.

— У меня очень высокие оценки, и мне вовсе не надо ходить каждый день в школу, чтобы не отстать от других.

После этих слов Хьюберт повернулся и ушел.

Мне пришлось, однако, еще раз повидать его в это утро. Пришел шериф, и я поделился с ним результатами своих размышлений о Ките, Гранте, Гарри Болтоне. Я пытался быть объективным, излагать только факты и все время чувствовал, что все это вместе взятое не стоит выеденного яйца. Смешно предполагать, что из-за этой чепухи можно покушаться на человеческую жизнь. Когда я закончил, шериф покачал головой.

— Это все?

— Это все, о чем я мог вспомнить.

— Не много, — он закурил трубку. — Эта миссис Шервин... она уверена, что видела именно Болтона вчера на берегу?

— Да.

— Что ж, поговорим с ним.

Гарри был дома и одет так, будто находился в конторе — только без пиджака. У Гарри была привычка, разговаривая, держать в руках очки, открывать и закрывать дужки. Шериф держался степенно и вежливо. Ему хотелось знать все, что произошло вчера до и после репетиции, и он надеялся, что мистер Болтон поймет его и поможет. Мистер Болтон ответил, что сделает все от него зависящее.

— Вам известно, что кто-то стрелял в мистера Данкена этой ночью, около трех часов? — спросил шериф.

Руки, державшие очки, замерли.

— Я слышал об этом.

— Вы случайно не были в это время где-нибудь поблизости? Может быть, вы что-нибудь слышали или видели?

Болтон надел очки.

— Около часа ночи я вышел прогуляться по берегу, а это довольно далеко от дома, где живет Поль. Кроме того, незадолго до трех я уже лежал в постели.

— Вы не видели чего-нибудь такого, что могло бы навести нас на след?

Болтон задумался. Он видел фары машины, идущей с южной стороны острова, кто-то, очевидно, возвращался из города с последнего сеанса в кино. И несколько машин, идущих в обратном направлении после закрытия бара. Это все, что он видел.

— Что ж, благодарю вас, — сказал шериф.

Мы поднялись — и тут я увидел, что дверь в спальню слегка шевельнулась. Во время нашего разговора я обратил внимание, что она была чуть приоткрыта, а сейчас в узкой щели между дверью и рамой блеснули стекла очков.

Как долго мальчик стоял за дверью и слушал?

Премьера нашего спектакля была запланирована на сегодня. По традиции профессионального театра спектакль должен состояться. Несмотря ни на что. Наш любительский театр не считал себя обязанным следовать этой традиции. Решительно все, за исключением Гранта, высказались за отмену премьеры.

Вы хотите, чтобы я провел весь спектакль в ожидании, когда Кит приставит дуло револьвера к моей груди и спустит курок? — спросил я. — И терялся в догадках, какая на этот раз в нем пуля — холостая или настоящая?

— Мы можем заблаговременно убедиться в том, что она холостая, — возразил Грант.

— Послушайте, неужели вы думаете, что я или кто-нибудь другой запомним хоть слово из своей роли? Мы покажем такой спектакль, что навсегда отобьем у публики охоту ходить в наш театр.

Грант понимал, что я прав.

— Ладно, — согласился он, — отменим.

Но он сразу сник. Через минуту он снова воспрянул духом.

— Если бы я мог раздобыть для Дорис роль, где бы ей надо было так пронзительно кричать, как в тот момент, когда Фрэнк нацелил в нее револьвер! Она вложила в этот крик настоящее чувство.

— Интересно, как это ей удалось?

— Она забыла, что играет, — ответил Грант. — Она была по-настоящему испугана.

— Но почему?

Грант пожал плечами.

— Не спрашивайте меня, лучше дайте мне пьесу, где бы мы могли использовать этот крик.

Эта мысль, казалось, всецело поглотила его, и он быстрыми шагами направился к машине.

Несколько минут я просидел в одиночестве, прислушиваясь к своим мыслям, и, когда мне стало невмоготу, вышел на улицу, сел в машину и поехал к Пэгги.

Кит был уже там.

— Меня сегодня вызывал шериф, — сообщил он. — Оказывается, я в некотором роде под подозрением.

— Вы? — удивился я. — Каким образом?

— Поль, — произнесла Пэгги, — неужели вы действительно считаете, что кто-то?..

— Если кто-то действительно хотел убить его, — заметил Кит, — и, весьма возможно, попытается сделать это снова, то Полю следовало бы хорошенько подумать, прежде чем ехать сюда и подвергать опасности вас и Кейти.

Я хотел что-нибудь ответить ему, но ответить было нечего. Во рту у меня пересохло. Я был так поглощен своими страхами и заботами, что мне как-то не пришло в голову, что я могу представлять опасность для окружающих.

— Простите. Я не подумал об этом... Я буду изредка звонить вам, Пэгги, — протянув руку, чтобы попрощаться, я тут же отдернул ее — не стоило подходить так близко — и вышел.

На следующий день я отправился в свою контору, но пребывал там в полном одиночестве — очевидно, присутствие полицейского у входа внушало мысль, что мое общество небезопасно. Так или иначе, но люди переходили на другую сторону улицы. Когда попозже днем я зашел в бар чего-нибудь выпить, буфетчик подвинул мой стакан на другой конец стойки.

Я вернулся домой и приготовил себе обед, предварительно убедившись в том, что шторы плотно закрыты. Взяв книгу, я сел в кресло и попытался читать. Около половины десятого раздался телефонный звонок.

— Хелло, — произнес я.

— Мистер Данкен? — спросил голос.

— Да.

— Вам лучше уехать, — сказал голос. — Уехать с острова. Если вы не уедете, вас убьют.

Сначала мне показалось, что говорит женщина, затем я понял, что ошибся. Голос был приглушенный. Говорящий, по-видимому, использовал старый трюк — прикрыл рот носовым платком.

— Кто говорит? — спросил я.

— Неважно, кто говорит, — ответил голос. — Но только я... Я хочу, чтобы... — внезапно голос сломался, стал совсем тонким. Я понял, что со мной говорит мальчик — Хьюберт Болтон. — Я хочу, чтобы кто-нибудь убил вас!

— Не ты ли пытался это сделать?

— Неважно, кто пытался. Вы должны покинуть остров и не возвращаться сюда больше. Вы должны немедленно уехать!

— Тебе известно, кто пытался убить меня? — никакого ответа не последовало, и я продолжал: — Я не уеду, пока не узнаю, кто это был.

— А я говорю вам... — послышался испуганный шепот, — вам лучше уехать... — щелкнула трубка.

Я тоже повесил трубку и остался стоять в темноте, думая о Хьюберте и его отце. Предположим, мальчик знает, что его отец пытался убить меня и собирается сделать это снова. Он не хочет, чтобы отец стал убийцей. Тогда этот детский трюк, с помощью которого он надеялся убрать меня с дороги отца, вполне понятен.

Но тут я вспомнил иступленные нотки его ломающегося голоса: «Я хочу, чтобы кто-нибудь убил вас», вспомнил фигурку в темном дверном проеме... На память стали приходить газетные заметки о детях, убивающих возлюбленных отца или матери...

Я решил позвонить шерифу. Но не успел добраться до телефона, как он снова зазвонил.

На этот раз звонила Дорис Болтон.

— Поль, не можете ли вы встретиться со мной где-нибудь? Мне необходимо вас видеть. Одного. А ко мне прийти нельзя.

— Понятно, — ответил я.

У меня не было никакого желания разгуливать по берегу, зная, что кто-то хочет пристрелить меня. Поэтому я ничего больше не сказал. Дорис продолжала:

— Если я приду к вам, полицейский у вашей двери обязательно увидит меня?

— Да.

— А я не могу проскользнуть черным ходом?

Я хотел бы поговорить с Дорис, но только не с глазу на глаз, а в присутствии шерифа. И в то время как я думал об этом, она сказала:

— Вы еще не успели позвонить шерифу?

— Я как раз собирался.

— Не звоните, прошу вас, до нашей встречи.

— Дорис, я не могу...

— Подождите! Вы же не захотите нанести вред невинному человеку, Поль? Я сейчас же буду у вас, — сказала она, и, прежде чем я успел возразить, в трубке щелкнуло — связь была прервана.

Я сидел и думал, что делать. Минуты через две постучали в дверь. «Все-таки она решила пройти через парадную», — подумал я. Но, идя открывать дверь, я понял, что это не Дорис — слишком уж быстро.

Это был Грант. Он стоял, как всегда, на кончиках пальцев, как бы готовый впорхнуть в комнату. Но с минуты на минуту могла прийти Дорис, и он мне вовсе не нужен был здесь сейчас. Я остался стоять на пороге, загораживая вход.

— Послушайте, Поль... Я думал о вас и... хм... разговаривал кое с кем... Вы здесь подвергаетесь опасности, Поль... Не считаете ли вы, что лучше было бы вам уехать с острова?

— А куда я поеду? И я не знаю, от кого и от чего удираю.

— Это все верно. Никто не знает, что может случиться. Кроме того, некоторые участники нашего любительского кружка считают...

— Так вот в чем дело, — сказал я. — Вы не хотите, чтобы я приходил на репетиции. Это будет нервировать участников... О'кэй! Я не буду приходить.

— Мы все к вам очень хорошо относимся, поверьте!..

— Благодарю вас.

Он нервно переминался с ноги на ногу.

— Для вашего собственного блага, Поль, не считаете ли вы?..

— Я никуда не поеду.

— Дело не в храбрости, Поль, — никто не подумает, что вы трусили, — дело в простом здравом смысле.

Я ничего не ответил.

— Ну, что ж, спокойной ночи, Поль, — и Грант направился к своей машине.

Я запер дверь и вернулся в комнату. Сколько людей, оказывается, по той или иной причине жаждет моего отъезда! Взглянув на часы, я увидел, что уже без пяти десять. Минут через пять раздался стук в кухонную дверь.

В кухне было темно. Через стекло виднелась верхняя часть туловища Дорис, плотно прижатая к дверной раме. Слышно было ее прерывистое дыхание — очевидно, она бежала всю дорогу. Я открыл дверь, и Дорис быстро вошла. В темноте мы едва различали друг друга.

— Пойдемте в комнату, — сказал я.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь увидел меня — и так уже достаточно было разговоров, — ответила Дорис.

— Шторы затянуты.

Но Дорис не двинулась с места.

— Вы знаете, зачем я пришла, Поль?

Я не совсем был уверен, поэтому выжидал. Она продолжала:

— Перед тем как я вам дозвонилась, ваш телефон был занят. С кем вы разговаривали?

— С кем-то, кто не назвал себя.

— Но вы узнали голос?

Я не видел надобности лгать.

— Это был Хьюберт.

Что-то погасло в ней — очевидно, надежда. Она вздохнула.

— Маленький идиот, — произнесла она, — он был так уверен, что вы его не узнаете.

— Зачем он звонил?

Я слышал ее все еще затрудненное дыхание. Ничего не ответив, Дорис прошла мимо меня в освещенную комнату. Я последовал за нею. Она стала против камина, вытянув руки, как бы для того, чтобы их согреть, хотя в камине не было огня.

— Хьюберт думает, что это Гарри покушался на вашу жизнь... и что он сделает еще попытку... Хьюберт был бы счастлив, если бы вас застрелил кто-нибудь другой. Но он не хочет, чтобы это сделал его отец, — Дорис перевела дыхание. — Хьюберт не считает своего отца достаточно ловким, чтобы безнаказанно совершить убийство.

— И это соответствует действительности?

По выражению ее красивого и решительного лица ни один человек не смог бы судить, говорит она правду или лжет.

— Гарри не стрелял в вас. Он был дома.

— Тогда почему же Хьюберт подозревает его?

Она отвернулась, села в кресло, вытянув вперед голову.

— Гай видел, как вы меня поцеловали в ту ночь. Он позаботился о том, чтобы Гарри это стало известно. Гарри не в первый раз слышал о подобном. Но в прошлом он никогда не говорил об этом со мной — полагаю, его это мало трогало. На этот раз он устроил мне сцену. Сказал, что я должна была, по крайней мере, щадить чувства ребенка. А Хьюберт случайно услышал этот разговор.

— Воображаю, что это была за сцена, если мальчик сделал вывод, что отец собирается убить меня.

— Тогда он этого не подумал. Но после генеральной репетиции, когда убили Гая, у нас была еще одна ссора, после которой Гарри ушел из дома рассерженный. Он гулял на берегу, но вернулся и лег в постель до того, как в вас стреляли. Но только Хьюберт уже спал, когда он вернулся. Когда же

Хьюберт услышал, что кто-то стрелял в вас, и когда вы с шерифом вчера явились к нам, он решил, что стрелял в вас его отец. Хьюберт всегда был странным ребенком — слишком много времени проводил в одиночестве, много читал и сочинял всякие фантастические истории о себе и о своей семье.

Она подняла лицо. Оно смягчилось, было печальным.

— Может быть, он хотел верить, что его отец настолько дорожит семьей... мною, чтобы ради нас пойти на убийство.

Все это было вполне возможным и в равной степени — сомнительным. Мы посмотрели друг на друга, и она продолжала:

— Я случайно услышала, как Хьюберт разговаривал с вами по телефону. Я понимала, что вы узнаете его голос и подумаете, что он пытается защитить своего отца. Он действительно хотел это сделать. Но только стрелял в вас не его отец.

Дорис встала и подошла к окну.

— Вероятно, в моих устах это звучит глупо — я знаю, какой была женой и матерью, но у меня для этого есть оправдание. У себя дома, на Севере, я служила секретаршей у Гарри и была помолвлена с одним из его служащих. Но так как я была хороша собой, Гарри захотел на мне жениться. Он купил меня, как купил бы автомобиль. Он никогда не любил меня. Просто ему захотелось сделать новое приобретение. И я полагаю, что он получил по деньгам — товар. Но ребенок... Пусть хоть он не расплывается... — она повернулась ко мне. — Я понимаю, что после звонка Хьюберта вы сообщите шерифу и тот явится к нам... — после небольшой паузы она продолжала: — Я не хочу, чтобы они страдали, Поль. Гарри по-своему неплохо относился ко мне. А ребенок... — она подошла совсем близко. — Я не хочу, чтобы вы сообщали шерифу об этом телефонном разговоре. Вы сделаете это для меня, Поль?

— Дорис, когда Гарри вернулся с прогулки в ту ночь, — вместо ответа спросил я, — вы уверены, что Хьюберт был дома, в постели? Вы заходили к нему в комнату?

В ее глазах появился страх. Рот полуоткрылся. В эту минуту зазвонил телефон. Дорис схватила меня за руку.

— Если это шериф, умоляю, ничего не говорите о звонке Хьюберта.

Я стоял и смотрел на нее, а телефон звонил. Я хотел разрешить эту загадку, но как? Я не сыщик. И — даже не герой. Надо все рассказать шерифу и ждать, пока он поймает преступника. Но телефон продолжал звонить, и я снял трубку, все еще не зная, что сказать.

Раздался голос шерифа:

— У вас все в порядке, Данкен?

— Абсолютно.

— Будьте осторожны. Только что кто-то пытался застрелить Фрэнка Лесли. Стреляли из автомобиля — так же, как и в вас.

Я замер у телефона.

— У вас есть какие-нибудь подозрения?

— Во всяком случае, это не ваш друг Гарри Болтон. Он находился в доме у Лесли, когда это произошло. Пуля чуть не попала в него самого...

Обе пули — и та, которой стреляли в меня, и та, которой стреляли в Лесли, — были выпущены из одного револьвера. Шериф к утру все это выяснил.

— Итак, за вами обоими охотится одно и то же лицо, — сказал он.

Мы вчетвером — шериф, Гарри, Фрэнк и я — сидели в гостиной у Фрэнка. Это была красивая комната с большим окном, выходящим на залив, и меньшими окнами — на улицу. На стенах висели картины — большей частью французских импрессионистов — все подлинники. Одна стена была сплошь уставлена книгами. Кроме того, комнату заполняло огромное количество фарфоровых безделушек — изящных и хрупких. Казалось, они могли принадлежать только старой деде. Красивая комната, но из-за того, что в ней недавно произошло, она была наполнена призраками.

Специально для меня шериф попросил Фрэнка пересказать все, что случилось накануне. Фрэнк и Гарри обычно подбирали репертуар для нашего театра. По просьбе Гранта они собрались для выбора очередной пьесы. Примерно в половине десятого вечера Гарри пришел к Фрэнку, они сидели и разговаривали — Фрэнк лицом к боковым окнам, Гарри — спиной к ним. Вдруг Фрэнк увидел на улице свет автомобильных фар. Он не придавал этому никакого значения, наклонился

вперед, чтобы предложить Гарри сигареты, и в этот момент в окно влетела пуля. Она прошла на волосок от головы Гарри и ударила в спинку кресла, в котором сидел Фрэнк.

— Если бы я как раз в это мгновение не наклонился вперед, пуля попала бы мне в сердце, — сказал Фрэнк. В нем не осталось ничего от завязанного шутика — страх высосал из него все его каламбуры. Однако Фрэнк не знал ни одного человека, который мог бы желать его смерти.

Мне было известно, что прошедшей зимой Фрэнк дважды приглашал Дорис на концерты в Тампу и один раз на балет в Сарасоту. Поездки происходили с ведома и согласия Гарри. Кроме того, ни одному мужчине не пришло бы в голову ревновать к Фрэнку Лесли. Но другое дело — ребенок...

— Фрэнк, не можете ли вы предельно точно установить, в котором часу вчера в вас стреляли? — спросил я.

— Около десяти. Возможно, без четверти.

— Это было без четырех минут десять, — заявил Гарри. — Я посмотрел на часы.

Грант ушел от меня без десяти десять. Дорис пришла около десяти. Дорис шла ко мне пешком. Гарри пришел к Фрэнку тоже пешком. Их машина оставалась дома в распоряжении Хьюберта...

Попросив извинения у Гарри, которого мне в эту минуту было по-настоящему жаль, я рассказал шерифу о звонке Хьюберта и визите Дорис. Я рассказывал как можно подробнее и объективнее.

— Дорис считает, что мальчик старался защитить своего отца, — сказал я. — Возможно, так оно и есть. А что если у него создалось впечатление, что я хочу... разрушить его семью? А что если он превратно понял мотивы, по которым Фрэнк приглашал его мать на концерты?

Все уставились на меня. Затем Гарри отвел взгляд в сторону. Он снял очки, начал открывать и закрывать дужки, наконец, надел очки обратно.

— Это возможно, — произнес он. Голос его дрожал. Затем он снова стал твердым. — Ребенок мог чего-либо не понять, но он ни в кого из вас не мог стрелять. У него нет револьвера, и он не умеет водить машину.

— Многие ребята постигают эту премудрость, наблюдая за действиями взрослых, — заметил шериф.

— Нет, — заявил Гарри, — Хьюберт не умеет водить машину.

— Давайте спросим у него, — предложил шериф.

— Я говорю вам, — настаивал Гарри, — что мой сын не умеет...

Через боковое окно я увидел подъехавшую машину. Это был новый роскошный автомобиль, купленный Гаем Каннингхэмом недели две назад. Дверца открылась, из машины выпрыгнул Грант. Обойдя машину, он распахнул другую дверцу для миссис Каннингхэм. Вместе с Грантом она подошла к двери, которую Фрэнк отворил прежде, чем они успели позвонить. Поклонившись всем, миссис Каннингхэм обратилась к шерифу:

— Не думаю, что это имеет большое значение, но все же перед отъездом я решила поставить вас в известность о том, что произошло.

— Слушаю вас, — сказал шериф.

Мы знали, что она сегодня уезжает на Север и увозит тело мужа.

— Сегодня утром я поехала к себе домой, — начала миссис Каннингхэм, — впервые после... после несчастного случая. Все эти дни я находилась у Грантов. Кто-то проник в квартиру через кухонное окно. Человек этот, по-видимому, знал, что Гай держал деньги в письменном столе — все ящики были выдвинуты, и деньги исчезли.

— Сколько денег? — спросил шериф.

— Не знаю. Я никогда не знала, сколько у мужа денег дома. Но, полагаю, что больших сумм он не держал. В пределах ста долларов, может быть, несколько больше.

— Понятно, — сказал шериф. — Что-нибудь еще украдено?

— Трудно сказать. Но все бумаги были разбросаны.

— Кто, по-вашему, мог знать, что ваш муж держит деньги дома?

Миссис Каннингхэм улыбнулась.

— Любой из тех, кто знал нас. Каждый, кто бывал у нас в доме.

Она дала шерифу связку ключей на случай, если ему понадобится заглянуть в дом, и ушла, оставив после себя слабый запах духов.

Шериф наблюдал за ней и за Грантом, пока они не исчезли из виду.

— Эта леди исключительно стойко держится после смерти мужа, — заметил он.

— Учитывая характер ее покойного мужа, — сказал я, — удивительно, что она не настаивала на вручении Фрэнку медали... — вдруг, вспомнив вечер генеральной репетиции и как миссис Каннингхэм закричала: «Валяйте, Фрэнк! Застрелите их обоих!», я добавил: — По существу, это она подала мысль Фрэнку.

— Действительно? — спросил шериф. Он задумчиво посмотрел на меня, будто я сказал нечто более важное, чем сам предполагал. — Насколько я понимаю, все были не очень высокого мнения о докторе Каннингхэме, не так ли? — он потер рукой подбородок. — Ну что ж! Пожалуй, мне не мешает пойти туда и самому все посмотреть. После разговора с молодым Болтоном, конечно.

Вдруг его рука отвалилась от подбородка, а глаза расширились от удивления.

— А где же?..

Гарри Болтона не было в комнате. Никто из нас не заметил, как он ушел. Он исчез, и с ним исчезла его машина, стоявшая у дверей дома.

Шериф выбежал из комнаты. Я остался еще ненадолго поболтать с Фрэнком, но не мог усидеть на месте. Мысли в моей голове сменяли одна другую. В сопровождении полицейского я проехал мимо дома Болтонов. Ни машины шерифа, ни машины Болтона у подъезда не было. Я проехал мимо своей конторы. Никого не было и там. Я проехал мимо домика Пэгги. Она сидела на ступеньках. Рядом сидел Кит. Я помахал рукой и проехал не останавливаясь, проклиная Кита, себя, все, что случилось и что держало меня вдали от Пэгги. После этого я поехал к дому Каннингхэма. Увидев машину шерифа, я остановился и вошел в дом. Плотник чинил окно. Шериф в кабинете Гая сидел за большим письменным столом и просматривал пачку бумаг. Он выглядел раздосадованным.

— Что нового? — спросил я.

— Когда я догнал вашего друга Болтона, он учил своего сына водить машину. Как вам это понравится?

— Может быть, он не учил его, а выяснял для себя, умеет ли Хьюберт водить машину?

Шериф задумался.

— Никому не хочется подозревать двенадцатилетнего ребенка в преднамеренном убийстве, — сказал он. — И я не собираюсь передавать в суд подобное полусырое дело. Впрочем, полицейский Фернандец рассказывал мне, что мальчишка хвастал выигранными призами на соревнованиях по стрельбе в цель. Но мы даже не знаем, мог ли он раздобыть револьвер. Разве что... — Шериф вынул из пачки на столе одну бумажку. — У доктора Каннингхэма было разрешение на револьвер калибра 38. Но никакого револьвера я не обнаружил.

— А-а-а... — произнес я. Пули, которыми стреляли в меня и Фрэнка, были выпущены из револьвера калибра 38. Конечно, на свете существовала уйма таких револьверов. Но все же...

— Миссис Каннингхэм могла взять револьвер с собой, — предположил шериф.

Или он мог быть украден сразу после убийства Гая до того, как стреляли в меня. Может быть, Хьюберт или кто-то другой проник сюда не за деньгами, а за револьвером. А может быть... Тут у меня стало зарождаться новое подозрение, настолько смутное, что я не мог его до конца сформулировать. Я спросил:

— Не нашли ли вы среди бумаг долговую расписку или какой-нибудь другой документ о том, что Кит должен был Гаю деньги?

— Нет, — ответил шериф. — А он занимал у Каннингхэма деньги?

Я хотел было ответить утвердительно и с соответствующими выводами, ухватившись за возможность перенести подозрение с ребенка на Кита Эдмунда. Но все это были одни подозрения и никаких доказательств. Кроме того, я чувствовал какую-то настоятельную потребность проявить к Киту элементарную справедливость. Поэтому я ответил:

— Кажется, да. По крайней мере, с неделю назад Гай спросил у Кита, когда тот собирается вернуть ему долг.

— А какую сумму он был должен?

— Не знаю. У меня было впечатление, что большую, — но, желая быть объективным, добавил: — Но не всегда можно было верить Гаю, вы же знаете, что это был за тип.

— Я начинаю это понимать, — ответил шериф, поднимаясь. — Давайте спросим у мистера Эдмунда относительно этой расписки...

Кит все еще был у Пэгги. Разговаривал с ним шериф, но Кит все время смотрел на меня с не очень приятной усмешкой.

— Не слишком ли вы суете нос в мои личные дела, Поль? — спросил он.

— Возможно, — ответил я. — И если выяснится, что они меня не касаются, я принесу свои извинения. Но кто-то сделал две попытки убить меня, а мне еще хочется пожить.

— Вы выбрали не совсем удачный путь к достижению этой цели, — затем, повернувшись к шерифу: — Я должен был Гаю сто долларов и вернул их ему утром того дня, когда он был убит. Никаких расписок не было — Гай поверил мне на слово.

— Прекрасно, — сказал шериф. — Извините за беспокойство... Еще один вопрос — известно ли вам, что у Каннингхэма был револьвер и где он сейчас?

— Я не знал, что у него был револьвер...

— Благодарю вас, — у шерифа был несколько смущенный вид. — Мне придется все это проверить.

— Это ваша обязанность, — ответил Кит.

Пэгги не произнесла ни слова. Она только переводила взгляд с меня на Кита и обратно. Шериф вернулся к своей машине, а я поплелся за ним.

Целую неделю положение вещей оставалось неизменным. Подходила к концу уже вторая неделя, в течение которой также ничего не произошло, если не считать того, что Кит чаще, чем когда-либо, появлялся с Пэгги в общественных местах. Прошла и третья неделя, и шериф сказал Фрэнку и мне, что у него мало людей и он больше не может держать двух полицейских для нашей охраны. Нам оставили одного на двоих... Одним из событий последующих дней было возвращение миссис Каннингхэм на остров. Она собиралась отныне жить в своем доме. Еще через некоторое время шериф заявил, что предполагаемый убийца, очевидно, переменял свое первоначальное намерение, и так как полицейский требовался в другом месте — его у нас отобрали.

В тот вечер я обедал один. Пил брэнди один. Вымыв посуду, я подумал, что слишком долго нахожусь в одиночестве, и сказал себе, что если мне больше ничего не угрожает, то я имею право повидать Пэгги хотя бы минутку — посмотреть на нее, поговорить с нею, убедиться, что она существует на свете. Ночь была темная. Между редкими звездами нависли тучи. Луна еще не вышла. Ветер дул с залива, и шум прибоя напоминал доносящуюся издали артиллерийскую канонаду. Я постучал в дверь, и мне открыла миссис Ши.

— О!.. — произнес я. — Пэгги нет дома.

— Войдите! — крикнула Пэгги из комнаты.

Она находилась в гостиной и была одета для выхода. На столе стояла ваза с кроваво-красными розами на длинных стеблях. «Кит буквально засыпает ее розами», — подумал я.

— Вы уходите? — спросил я у Пэгги.

— Кит пригласил меня в кино.

Из спальни вышла Кейти в пижаме. В одной руке она держала мишку, в другой — маленькую коробочку.

— Посмотри, какая красивая, — сказала Кейти.

Она протянула мне маленькую ювелирную коробочку, в которой лежала рубиновая брошь в платиновой оправе. Я посмотрел на брошь, потом на Пэгги. Ее щеки были такого же цвета, как брошь.

— Я собираюсь вернуть ее Киту сегодня. Это слишком дорогой подарок. Я не могу принять его.

— У него, по-видимому, завелись деньги, — сказал я.

— Да, — Пэгги нахмурилась, — он сказал, что ему удалось застраховать на крупную сумму жизнь и имущество одного человека.

— Ну что ж... — больше, казалось, не о чем было говорить. — Спокойной ночи.

— Поль... — промолвила Пэгги.

— Я позвоню вам завтра.

Миссис Ши, ухмыляясь, открыла мне дверь, и я вышел в ночь.

Я был взбешен. Я был оскорблен. И мне было очень жаль себя. Приехав домой, я угрюмо бродил по комнате, задавая себе вопрос, что за жизнь я веду. Кто-то хотел меня убить, и я не только не смог узнать, кто это, но почти перестал интересоваться этим. Я позволил парню, которого никогда

не любил, увести у меня девушку. Мои дела пошли ко всем чертям. А что я предпринял? Ничего. А Кит, который никогда не интересовался работой, в состоянии дарить Пэгги...

На этом моя мысль оборвалась. Я почувствовал себя человеком, наткнувшись в темноте на стену. Я сделал попытку обойти стену... Я вспомнил о брошке, которую Кит подарил Пэгги. Я вспомнил о новом большом автомобиле Гая... Я вспомнил о своих рассуждениях в ночь убийства Гая, что если бы Кит убил меня во время репетиции, его бы не осудили... Но все это были предположения без доказательств.

Я подошел к телефону и позвонил шерифу:

— Послушайте, — сказал я, — можно ли получить ордер на обыск и произвести его без ведома хозяина квартиры?

— А что вы хотите найти?

— Я еще и сам точно не знаю.

— В таком случае, нельзя получить ордер.

— Ладно. Кража со взломом не такое уж большое преступление, а мне, пожалуй, при всех обстоятельствах сейчас лучше будет в тюрьме!

Я надел темные брюки и кожаную куртку. Взял ключ от дома Кита, имевшийся в моем распоряжении, как у агента по продаже домов, и фонарь. У меня не было револьвера, но даже если бы он у меня был, я не взял бы его с собой. Выключив свет, я вышел.

Луна поднималась из воды. Тучи время от времени закрывали ее полностью. Кит занимал однокомнатный домик с гаражом у залива недалеко от мыса. Я подошел к дому с черного хода. Не видно было ни единого огонька — ни внутри, ни снаружи. Со стороны залива дул очень сильный ветер, наполненный шумом прибоя. Я поднялся по ступенькам, попробовал открыть дверь, но она была заперта. Открыв ее своим ключом, я вошел в дом. Вместе со мной в комнату ворвался ветер и носился в темноте, подобно зверю, пока я не запер за собою дверь.

Мгновение я не двигался с места, прерывисто дыша. Не в первый раз я входил в чужую квартиру в отсутствии хозяев — это была моя работа. И в этой квартире я был, вероятно, не менее пятидесяти раз. Но впервые я попал в нее нелегально. Руки мои стали холодными и влажными.

Заперев дверь и положив ключ в карман, я зажег фонарь. Не было необходимости закрывать шторы — они уже были плотно затянуты. Прикрыв рукой фонарь, я подошел к окну, осторожно отодвинул штору и выглянул — надо было удостовериться, что никто за мной не следил. То, что я увидел, сначала не дошло до моего сознания. На улице стояла машина — машина Кита. Кит должен был быть с Пэгги. Конечно, он мог пойти к ней и пешком, но Кит был не из тех, кто любил пешие прогулки. Я опустил штору и обернулся, чтобы осмотреть комнату. Вытянул вперед руку с фонарем...

На неприбранной постели, опираясь на стенку, сидел Кит. Он смотрел на меня чуть усмехаясь. На нем были спортивные брюки и спортивные ботинки, а на кровати возле него лежала новая, наполовину развернутая спортивная рубашка. Он не носил нижней сорочки — грудь его и плечи были коричневые от загара. На фоне загара маленькая дырочка в его груди была еле заметна. Тоненькая струйка крови, вытекающая из нее, казалась черного цвета.

— Кит, — сказал я.

Но он ничего не ответил. Он уже никогда ничего не сможет ответить. Моя рука, державшая фонарь, задрожала. Я подошел к выключателю и повернул его — теперь уже не было необходимости соблюдать осторожность.

Кит никогда не был особенно аккуратным. Неубранная постель, разбросанные повсюду вещи, грязная посуда на кухне — все это я заставлял каждый раз, когда приходил за квартирной платой. Но беспорядок, царивший сейчас, был несколько необычен. На полу стояли два чемодана. Вокруг — разбросанные вещи, как будто их только что распаковывали. Ящик письменного стола вынут, и содержимое вывалено на пол. Все, что лежало на верхней полке шкафа, тоже выброшено на пол.

В доме не было телефона. Я повернулся, чтобы выйти и позвонить шерифу, — теперь он может сделать обыск без ордера, но вместо этого сел на пол и стал просматривать разбросанные бумаги. Это было ошибкой, и я не знаю, почему совершил ее. Вероятно, потому, что я так долго жил в состоянии страха, что чувства мои притупились, и еще, вероятно, потому, что любопытство взяло верх над благоразумием. Я даже не отдавал себе отчета — что надеялся найти. Вероятно, я искал в этих бумагах разгадку источника денег Кита и причины его смерти.

Но среди разбросанных бумаг я не нашел этой разгадки. Либо ее там не было, либо кто-то нашел ее до меня. Я встал, собираясь выйти звонить шерифу, и снова остановился.

В этой комнате когда-то были книжные полки. Предыдущий съемщик не имел книг, и он заделал полки раздвигающимися панелями. Чтобы раздвинуть панели, надо было знать секрет. Я показал его Киту, когда тот снимал квартиру. Сейчас я отодвинул пару панелей. На полках стояла наполовину пустая бутылка брэнди, начатая пачка сигарет и связка писем от бывшей жены Кита и от ее адвоката — очевидно, до того как согласиться на развод, Кит хотел получить наличные деньги. Но никакого указания на то, что он их получил, не было. Вдруг я увидел в уголке большой конверт. Это был личный конверт Гая Каннингэма с его фамилией, отпечатанной большими буквами наверху. В конверте лежала вырезанная из какой-то газеты фотография мужчины с густыми черными волосами. Лицо смутно кого-то напоминало. В заметке речь шла о каком-то Горации Уинтерсе, который до 1948 года служил в калифорнийском банке кассиром. Украд сто тысяч долларов банковских денег, он скрылся. Исчезновение Уинтерса привело в изумление не только сотрудников банка, но и всех его знакомых. Уинтерс был человеком скромным, не играл в азартные игры и не встречался с женщинами легкого поведения. За его поимку была обещана награда в тысячу долларов.

Я положил вырезку в конверт, а конверт в карман. В третий раз я собрался выйти — и остановился. Позади меня зашевелилась дверь ванной комнаты. Кажется, я почувствовал это еще до того, как повернул голову, и увидел на приоткрытой двери длинные тонкие пальцы.

— Итак, вам удалось найти этот конверт, — произнес Фрэнк Лесли. Он стоял на пороге с револьвером в правой руке. Яркий электрический свет падал на его лысую голову и глаза, выражавшие отчаяние. — Сначала я предполагал, что Кит хранит его в сейфе, затем я увидел, что у него нет сейфа. Но вы пришли прежде, чем я успел найти этот конверт.

Я не двигался с места и тяжело дышал.

— Обещанная награда в тысячу долларов их не устраивала. Они хотели выкачать из меня все. В конечном счете, мне пришлось бы расстаться со своими картинами, фарфором, книгами — с тем, что давало мне больше радости, чем общение с людьми... — сделав паузу, он продолжал: — Мне очень жаль, Поль, но...

— Нет, подождите! — закричал я. — Подождите!

Но револьвер поднимался — медленно, как бы с сожалением, а взор тусклых глаз был прикован к моему лицу. Я снова закричал:

— Подождите! Подождите!

Вдруг рука с револьвером замерла — кто-то стучался в дверь. Послышался голос шерифа:

— Откройте дверь!

Я завопил:

— Скажите, чтобы он не стрелял! У него револьвер! — наступила пауза, во время которой взгляд Фрэнка метался от меня к двери и обратно. Затем снова голос шерифа:

— Со мною двое полицейских. Откройте дверь или мы ее взломаем!

— Ну что ж, — произнес Фрэнк обреченно. Он провел языком по пересохшим губам. Веки его опустились и снова поднялись. — Откройте им дверь, Поль.

Прежде чем я успел тронуться с места, он уже исчез за дверью ванной комнаты. Шум ветра и приборя заглушил звук выстрела... Я открыл наружную дверь, и в комнату ворвался шериф. Пробежав мимо меня, он раскрыв дверь в ванную и остался неподвижным на пороге. Затем он повернулся и прокричал кому-то снаружи:

— Немедленно вызовите карету. Он еще жив.

На следующее утро я сидел около Пэгги на крыльце ее домика. Кейти играла на берегу. Ветер стих, но залив все еще бурлил и выглядел грязным.

— Это был простой шантаж, — рассказывал я. — Каким-то образом Гаю в руки попала газета с этой историей. Он узнал во Фрэнке Лесли исчезнувшего кассира Уинтерса и начал его шантажировать. Не знаю, сколько Гаю удалось выкачать из Фрэнка, но, вероятно, достаточно, чтобы купить автомобиль. И было очевидно, что Гай на этом не остановится. Поэтому Фрэнк убил его.

— Вы хотите сказать, — перебила меня Пэгги, — Фрэнк знал, что револьвер заряжен настоящей пулей?

— Он сам вложил ее туда... Зная, что умирает, Фрэнк все нам рассказал. Он должен был убить Гая, и убийство во время репетиции было самым безопасным для Фрэнка. Отпечатки его пальцев не были нигде зарегистрированы, так что ему не угрожала опасность привлечения по делу об ограблении банка. Он мог убить Гая у нас на глазах и в худшем случае получить условный приговор.

— Но... — спросила Пэгги, — кто же стрелял в вас и Фрэнка?

— Это длинная история, — ответил я. — Фрэнк говорит, что украл деньги для того, чтобы жить как ему хочется. После кражи он бежал в Мексику, где заболел нарушением обмена веществ. В результате болезни он прибавил в весе свыше десяти кило. Решив, что полнота, небольшая пластическая операция и бритая голова совершенно изменили его облик, он вернулся в Штаты. Он выбрал Флориду, так как сюда не часто приезжают калифорнийцы. Но Гай, по-видимому, обладал способностью видеть то, что люди тщательно скрывают.

— Как молодые люди целуют чужих жен, например, — вставила Пэгги. — Но я все же не понимаю...

— А вы не перебивайте. Так вот, когда шериф отвез Фрэнка-Уинтерса в город в ночь убийства Гая, он задержал его, а потом отпустил ночевать в гостиницу. Фрэнк немедленно выскользнул черным ходом и отправился на остров. Вспомните слова Гарри Болтона о том, что он, гуляя по берегу, видел машину, идущую из города. Фрэнк знал, где Гай держит вырезку из газеты. Он знал также, что Лилиан Каннингхэм не ночует дома — он видел, как ее увезли Гранты. Он даже запасся ключом от дома Гая — все было продуманно до мельчайших деталей.

— Кто же в таком случае взломал окно?

— Ваш друг Кит. Он должен был Гаю деньги и дал на них расписку. Кит решил уничтожить расписку. Зная, что Лилиан не ночует дома, он взломал окно и вошел. В поисках расписки он нашел две другие вещи — револьвер Гая и вырезку из газеты с фотографией Фрэнка. Когда Фрэнк проник в комнату, он застал там Кита с газетой и револьвером в руках. Фрэнк убил одного шантажиста, чтобы очутиться в лапах другого.

Овладев тайной Фрэнка, Кит сделал все возможное, чтобы Фрэнк остался на свободе — за тюремной решеткой из него не выкачаешь денег. Поэтому они договорились инсценировать вторичное покушение на меня. Проехав на машине мимо моего дома, Кит выстрелил в мое окно, используя револьвер Гая. Через несколько дней, с целью отвести возможные подозрения от Фрэнка, Кит инсценировал покушение на самого Фрэнка, воспользовавшись Болтоном в качестве свидетеля. В обоих случаях Кит действительно показал высокий класс стрельбы.

Шериф, оказывается, давно начал подозревать Фрэнка — тот очень нервничал на допросах. Чтобы установить за ним слежку, шериф просто заменил тех полицейских, которых мы знали, теми, кого мы не знали. Пока за Фрэнком ходил по пятам полицейский, ему ничего другого не оставалось, как откупаться от Кита. Но как только шериф снял официальную охрану, Фрэнк решил не терять времени даром. Проникнув к нему в дом, он хладнокровно убил Кита. Полицейский, незаметно следовавший за Фрэнком, не расслышал выстрела из-за шума ветра и прибоя. Шериф же после моего звонка к нему немедленно с двумя полицейскими направился к дому Эдмунда.

— Что из всего этого вы знали, когда отправлялись к Киту?

— Я ничего не знал, но о многом догадывался. Я размышлял о том, что профессора в отставке редко покупают дорогие автомобили. Узнав, что Кит покупает дорогие брошки, я подумал, не взяты ли деньги для обеих покупок из одного и того же источника.

В это время на берегу появились три фигуры — Дорис, Гарри и Хьюберта Болтонов. Дорис и Гарри шли под руку, Хьюберт за ними.

— За последний месяц я вижу их вместе чаще, чем за всю зиму, — заметила Пэгги, — и у меня такое впечатление, что Дорис по-настоящему влюблена в Гарри.

— Мне кажется, что вы правы. Хотя Дорис, вероятно, была крайне удивлена, обнаружив это. Как ни странно, я тоже узнал много нового о себе за это время. И иногда, в лунную ночь, мне хочется поговорить об этом с вами.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

У. Айриш. СРОК ИСТЕКАЕТ НА РАССВЕТЕ

Уильям Айриш — один из крупнейших представителей американского «романа напряжения». Книги «Женщина-призрак», «Я женился на тени», «Концерт для душителя» принесли ему международную популярность. Роман «Срок истекает на рассвете» — один из наиболее увлекательных его романов.

У. Блессингейм. ПОВЕСТИ

Основная тема повестей Уотта Блессингейма — «Цивилизованные джунгли», «Черные цветы Фрэнсиса» и «Актеры-любители» — «человек в ловушке», в критических жизненных обстоятельствах. Автор умеет передать атмосферу сгущающейся опасности, угрозы, исходящей как бы ниоткуда.